

Въ Альбомъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть мидый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

Умирающій гладиаторъ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гре-
Рукоплесканьями широкая арена, [милъ
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ

лежитъ,
Во прахъ и крови скользятъ его колѣна,
И молить жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и лстецъ его, сена-
Внчаютъ похвалою побѣду и позоръ... [торъ,
Что знатнымъ и толпѣ сраженный гладиаторъ?
Онъ прѣзрѣнъ и забытъ... освищенный актеръ!

И кровь его течетъ—послѣдніа мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воо-
браженья

Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шу-
милъ Дунай...

И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для
Отца, простершаго нѣмѣющія длани, [брани,
Зовущаго къ себѣ опору дрихлыхъ дней..
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назади съ добычею и славой..
Напрасно: жадный рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь

лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой..
«Прости, развратный Римъ!—прости, о край
родной!»

Не такъ ли ты, о, европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надежды—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!

И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для извы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣдніа страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныа преданья,
Насмѣшливыхъ лстецовъ несбыточные сны.

Къ портрету стараго гусара.

[НИК. ИВ. БУХАРОВУ].

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая!
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ жхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранить струю кипучаго вина.

Къ Ник. Ив. Бухарову.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось парасосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятный соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый,
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтѣя прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Цировъ и битвы гражданъ.

[Эпиграмма на Кукольника].

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! Вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше бъ не родился.

Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понинѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынь
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольний прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?